

ИНТЕРВЬЮ

Десять вопросов об экономической социологии Йенсу Бекерту

БЕКЕРТ Йенс [Beckert, Jens] – профессор социологии, содиректор Института им. Макса Планка по изучению обществ (Кёльн, Германия). Автор книги «Beyond the Market: Social Foundations of Economic Efficiency» (Princeton UP, 2002). Соредактор «Международной энциклопедии по экономической социологии» (Routledge, 2006).

Email: beckert@mpifg.de

Источник: Jens Beckert answers ten questions about economic sociology // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 34–39.
<http://econsoc.mpifg.de>

Пер. с англ. В. В. Радаева.

1. Как случилось, что Вы занялись экономической социологией?

Поступив в бакалавриат Свободного университета в Берлине, я специализировался сразу в двух областях — социологии и деловом администрировании. В связи с тем, что мне пришлось изучать эти дисциплины одновременно, я неизбежно начал смотреть на экономику с социологической точки зрения.

Нужно сказать, что в конце 1980-х гг. факультет социологии Свободного университета еще находился под серьезным влиянием марксизма. И это послужило дополнительной причиной особого интереса к экономическим вопросам. Хотя я мало читал самого Карла Маркса, зато был в сильной степени поглощен идеями франкфуртской школы, что и побудило меня размышлять об экономических проблемах, погружая их в контекст социальной теории.

В то время одним из моих учителей был Хайнер Гансман [Heiner Gansmann], именно он заинтересовал меня концептуализациями хозяйства в современной социологической теории. Затем я продолжил заниматься этими вопросами в магистратуре Новой школы социальных исследований [New School of Social Research]. В этот период Новая школа была одним из наиболее продуктивных в интеллектуальном отношении мест в Соединенных Штатах. Я получил возможность поучиться у таких известных исследователей, как Роберт Хайлбронер [Robert Heilbroner], Ричард Бернштейн [Richard Bernstein], Эрик Хобсбаум [Eric Hobsbaum] и Чарлз Тили [Charles Tilly]. Там же я встретил Клауса Оффе [Claus Offe], находившегося в Новой школе в качестве приглашенного профессора. Именно в беседах с ним я впервые познакомился с американскими работами по экономической социологии.

По возвращении в Германию и завершении магистерской программы по деловому администрированию я увлекся организационной теорией и открыл для себя новый институционализм. В то же время я продолжал работать в области социальной теории. В 1990 г. профессором Свободного университета стал Ханс Йоас [Hans Joas], который предложил мне место ассистента, чтобы я мог подготовить свою диссертацию. Так у меня появилась возможность работать над теоретической диссертацией под руководством одного из ведущих специалистов по современной социальной теории. Эта работа с Хансом Йоасом, продолжавшаяся без малого

десятилетие, оказалась для меня чрезвычайно важной. Например, мой интерес к наследию Э. Дюркгейма был спровоцирован именно им.

Заинтересовавшись американской экономической социологией и институциональной организационной теорией, я обратил внимание на факультет социологии Принстонского университета, где работали Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer] и Пол Димаджо [Paul DiMaggio]. В ответ на мою просьбу они пригласили меня в Принстон на один год. Время, проведенное в Принстоне в середине 1990-х гг., было для меня чрезвычайно интересным и продуктивным. Я написал значительную часть моей диссертации, а также статью о неопределенности в экономической социологии, опубликованную впоследствии в журнале «Theory and Society»¹.

К тому времени я уже посвящал экономической социологии не меньше времени, чем социальной теории. И содержательная связь между двумя этими областями по сей день остается для меня наиболее важной. Чуть позднее я обнаружил другую увлекательную сферу — социологию права. Разумеется, право множеством нитей связано с экономикой. И я провел компаративное исследование исторической эволюции права наследования. Эта книга была опубликована в Германии и выйдет на английском языке в следующем году².

2. Можете ли Вы назвать книги или статьи, существенно повлиявшие на Ваши представления об экономической социологии?

Наиболее глубокое влияние на мое мышление оказали классики социологии. Чтение Дюркгейма и Вебера было неисчерпаемым источником для творческого вдохновения. Это было поколение социологов, которых не удалось превзойти и по сей день. Дюркгейм, Вебер, Зиммель и Маркс ставили перед собой важнейшие проблемы и демонстрировали небывалые интеллектуальные способности к осмыслению экономических и социальных трансформаций своего времени. И я убежден, что вся сила их экономической социологии черпается из социальной теории. Я также полагаю, что их интеллектуальное превосходство проистекает из наблюдаемой в их работах внутренней связи с важнейшими нормативными вопросами и глубокой настроенности на осуществление социальных реформ. Все это оказалось потерянным в большинстве работ новой экономической социологии.

Что же касается новой экономической социологии, то мне трудно выделить каких-то двух или трех ведущих авторов. Я почерпнул немало полезного из весьма широкого круга работ. Конечно, особое влияние на меня оказали Пол Димаджо и Нил Флигстин [Neil Fligstein], наряду с работами других экономсоциологов, которые предложили аналитические подходы к анализу того, как в сфере хозяйства возникает социальный порядок. Среди них я бы упомянул еще Харрисона Уайта [Harrison White] и Джоэла Подольни [Joel Podolny]. Для того чтобы книга или статья меня действительно заинтересовала, в ней должны затрагиваться теоретические вопросы. С этой точки зрения важное значение для меня имели работы таких ученых, как Вивиана Зелизер, Франк Доббин [Frank Dobbin] и Брус Карратерс [Bruce Carruthers]. Нацеленность на глубокое изучение истории кажется мне одной из сильных черт американской экономической социологии.

Помимо этих авторов, представляющих новую экономическую социологию, я также находился под большим влиянием аналитических подходов, предложенных в экономической теории, которые исходили из предельно общих предпосылок о существовании общего

¹ Beckert J. What is Sociological about Economic Sociology? Uncertainty and the Embeddedness of Economic Action // Theory and Society. 1996. Vol. 25. P. 803–840.

² Beckert J. Unverdientes Vermögen. Soziologie des Erbrechts. Reihe Theorie und Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Campus, 2004; Beckert J. Inherited Wealth / translated by Th. Dunlap. Princeton: Princeton University Press, 2008.

равновесия, а также привлекали внимание к категориям стратегического действия, неопределенности, ограниченной рациональности и асимметрии информации. На мой взгляд, экономическая социология может многому научиться из подобных вопросов, которые ставятся в экономической литературе, хотя далеко не всегда ответы экономиста могут удовлетворить социолога.

3. Какие темы Вы посчитали бы ключевыми для современных дискуссий в экономической социологии?

Несомненно, большое внимание сегодня уделяется теории перформативности. Здесь, мне кажется, происходит очень важная интригующая дискуссия. Со временем интерес к теории перформативности снизится. Но я верю, что останется признание того, что экономическая теория как таковая является одной из когнитивных схем, с помощью которых акторы обычно вырабатывают понимание сложности и неопределенности, присущих процессу принятия решений в хозяйственном процессе. И теория перформативности превратится в один из элементов более широкой социологической теории хозяйства.

Другая важная дискуссия, по-моему, происходит сегодня вокруг понимания ценности. Пожалуй, именно здесь социология способна привнести существенный вклад в наше понимание хозяйства, объяснив, каким образом акторы приписывают ценности разным продуктам и услугам. Одну из таких попыток предпринял Эмиль Дюркгейм, который связывал ценности с «общественным мнением». В своей теории моды, например, к данному вопросу обращался также и Георг Зиммель. Экономисты мало что могут сказать о процессе формирования предпочтений. Причина заключается в том, что невозможно понять смысл ценности, анализируя ее с индивидуалистической точки зрения. К тому же многие аспекты формирования ценности товаров возникают далеко за пределами экономической сферы как таковой. На большинстве рынков ценность имеет глубоко социальный характер. По этому вопросу я с большим удовольствием прочел недавнюю диссертацию, которую написал О.Кочак [Ozgecan Kocak]. Немалый интерес вызывают также работы Мишеля Калллона [Michel Callon], Чарлза Смита [Charles Smith], Джоэла Подольни, Олафа Фелтхауса [Olav Velthuis] и Патрика Асперса [Patrik Aspers]. Работы, посвященные проблеме ценности, приближают экономическую социологию к проблематике потребления, то есть к стороне спроса, которая до последнего времени явно привлекала недостаточное внимание. В изучении формирования ценности могут найти свой отправной пункт исследования финансовых рынков.

Другим очень увлекательным объектом для изучения, который открывается перед нашими глазами, выступают быстро разворачивающиеся азиатские экономики, особенно в Индии и Китае. Какого рода капитализм формируется в этих странах? И что означает тот факт, что эти формы современного капитализма развиваются вне культурных оснований западного мира? Подобные захватывающие вопросы напрямую связаны с исследовательской программой Макса Вебера. И очень жаль, что в Европе этому уделяется куда меньше внимания, чем в США.

Еще одно текущее направление экономической социологии, которое мне сегодня кажется несомненно важным с теоретических позиций, связано с изучением роли эмоций в процессе принятия хозяйственных решений. Об этом пишут, помимо других авторов, такие исследователи, как Пол Димаджио, Джослин Пиксли [Jocelyn Pixley] и Мейбл Березин [Mabel Berezin]. Поскольку я интересуюсь проблемами доверия и неопределенности, меня эта тема тоже затрагивает. Становится ясно, что многие решения с неопределенными последствиями невозможно принять без сильной эмоциональной вовлеченности. Именно благодаря этому «природному влечению» предпринимателей (Дж. М. Кейнс) рыночные экономики с присущим им высоким уровнем неопределенности не вырождаются в бездействие. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы разработать социологическую теорию эмоций в хозяйственном процессе.

Наконец, я весьма заинтригован протекающей ныне в Соединенных Штатах дискуссией о публичном характере экономико-социологических исследований. При серьезном отношении к данному вопросу профиль экономической социологии, сформировавшийся еще в 1980-е гг., может существенным образом измениться.

4. Какие темы в экономической социологии, по Вашему мнению, незаслуженно обходятся исследователями?

Социология в качестве самостоятельной дисциплины сформировалась в конце XIX — начале XX столетий как реакция на процессы глубочайшей трансформации, проходившие в это время. Классики социологии искали надлежащие аналитические инструменты для понимания этой трансформации и оценки ее влияния на социальную интеграцию. Они интересовались изучением хозяйства именно с этой точки зрения. Подобный взгляд позднее стал характерен для поколения Карла Поляни [Karl Polanyi] и в более точном смысле — для Толкотта Парсонса.

В новой экономической социологии данный подход, к сожалению, почти совершенно пропал. Вместо этого проявляется интерес к экономике в значительно более узком смысле. Вопросы макроэкономических изменений и воздействия организации хозяйства на социальное развитие играют лишь очень ограниченную роль. Я надеюсь, что подобная ситуация не будет длиться долго. В какой-то момент экономической социологии придется объяснить все значение этих вопросов, для решения подобной задачи недостаточно будет просто указать на изначальное превосходство социологических методов для изучения экономических явлений.

На мой взгляд, вклад экономической социологии может быть, как минимум, двояким. Во-первых, она должна попытаться предоставить инструменты для более эффективной организации хозяйства и принятия экономических решений, порекомендовав институциональные формы и сетевые структуры, которые способны привести к лучшим экономическим результатам. Я считаю, что результаты исследований, проведенных с помощью сетевых и институциональных подходов, вполне позволяют сделать подобные рекомендации, по крайней мере в ряде важных областей. Во-вторых, экономическая социология способна внести свой вклад, обращаясь не только к вопросам экономической эффективности, но также к проблемам социального порядка и справедливости. Несомненно, это приблизило бы нас к классическому наследию экономической социологии. Но это также предполагает необходимость куда более широкого включения социетальной перспективы и оценивания роли хозяйства в социальном развитии в целом. Тогда экономическая социология могла бы вновь превратиться в неотъемлемую часть социальной теории.

Все это неминуемо привело бы к необходимости по-новому соединить экономическую социологию с корневыми вопросами макросоциологии и, в свою очередь, плотнее увязать исследуемые новой экономической социологией микроэкономические сюжеты с макроэкономическими проблемами и понять, как они влияют на распределение благ и на уровень жизни людей. Только таким путем экономическая социология способна стать политически влиятельной дисциплиной, не скатываясь исключительно к проблемам экономической эффективности, но демонстрируя нормативно обоснованные альтернативные взгляды на то, как можно организовать хозяйство на основе глубоких знаний о действительном функционировании рынков и других хозяйственных институтов.

Это также предполагает куда более тесное сотрудничество с исследователями, занимающимися политической экономией. Конечно, политологи склонны объяснять институты, регулирующие хозяйство, преимущественно с точки зрения властных отношений и институциональных логик, формирующихся в политической системе. И это выходит за рамки экономической социологии. Однако понять, как в самом хозяйстве работают институты, формирующиеся в политической сфере, способна именно экономическая

социология. Она также в состоянии показать, что формальные институты далеко не единственный важный элемент, объясняющий экономические результаты.

Обращаясь к другим сюжетам, я полагаю, что сегодня в новой экономической социологии обращает на себя внимание явное отсутствие теории денег. Для К. Маркса и особенно для М. Вебера в их теориях капитализма деньги играли существенную роль. В более ограниченном объеме это также касается социальных теорий Т. Парсонса и Н. Лумана. Конечно, есть экономсоциологи, наподобие Эрика Хеллинера [Eric Helleiner] и Джеффри Ингема [Geoffrey Ingham], которые представили прекрасные работы на эту тему. Однако эти труды остаются оторванными от литературы по анализу рынков, которая образует ядро новой экономической социологии. Эти два рода исследований должны быть намного теснее интегрированы. Для объяснения динамики рынков, выходящих за узкие рамки индивидуалистических мотивов, деньги играют основополагающую роль. Они также выступают в качестве решающего инструмента в понижении уровня сложности рыночных отношений. В Германии над этими вопросами работают такие исследователи, как Кристоф Дойчман [Christoph Deutschmann], Аксель Пауль [Axel Paul] и Хайнер Гансман. К сожалению, основная часть их работ опубликована на немецком языке и в силу этого пока не получила должного международного признания.

5. Вы очень много писали о проблеме укорененности [embeddedness]. Остается ли этот термин на ключевых ролях в экономической социологии, как это было десять лет назад? Или он начинает утрачивать былое влияние?

Совершенно ясно, что термин «укорененность» весьма проблематичен в силу своей недостаточной определенности. Он не относится к разряду тех, на основе которых можно производить операционализацию понятий в ходе исследовательского процесса. И употребляя данное понятие, экономсоциологи часто имеют в виду очень разные вещи. В то же время понятие укорененности стало отправной точкой при формировании новых социологических подходов к изучению хозяйства. Оно подчеркивает тот факт, что мы можем понять индивидуальные экономические действия, только изучив социальный контекст, в котором осуществляются эти действия. И это, конечно, отправной пункт для всей социологии как таковой. Понятие укорененности непосредственно указывает на фундаментальные проблемы социальной теории, в особенности на взаимосвязь структуры и действия. Более того, оно обозначает необходимость разработки новой теории действия, которая бы отличалась от теории рационального действия, поскольку невозможно объяснить формирование интересов и предпочтений исключительно в индивидуалистических терминах.

Конечно, мы можем попытаться выразить этот исходный пункт с помощью других терминов, но я не вижу в этом особого смысла. Что мне кажется необходимым, так это преодолеть ограничения понятия «укорененность», связанные с заложенной в нем узкой трактовкой социальной структуры, как это было предписано в знаменитой статье М. Грановеттера 1985 г.³ Более широкий взгляд был предложен Шарон Зукин [Sharon Zukin] и Полом Димаджио в их предисловии к книге «Структуры капитала»⁴. Я нахожу их подход

³Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3 (November). P. 481–510. Перевод см.: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴Ш. Зукин и П. Димаджио включили в это понятие когнитивную, культурную, структурную и политическую укорененность (Zukin, S., DiMaggio, P. (eds.). The Structures of Capital: The Social Organization of the Economy. N. Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 14–23). — Прим. перев.

удовлетворительным. Конечно, кто-то всегда может сказать, что этот подход неполон или неточен, или придумать какие-то другие наименования для обозначения четырех форм укорененности. Но по этому поводу следует заметить, что все сколько-нибудь интересные концепции в социальных науках в определенной степени размыты и открыты для разных интерпретаций. Это в полной мере относится и к концепции рациональности Макса Вебера, и к концепции солидарности Эмиля Дюркгейма, и к понятию капитала Карла Маркса.

Что меня действительно не удовлетворяет, так это характерная узость, с которой понятие укорененности зачастую используется в новой экономической социологии. Например, для Карла Поланьи укорененность представляла собой концепцию, нацеленную на критику либеральной рыночной модели. Она указывала на необходимость регулятивного вмешательства в работу рынка, чтобы компенсировать негативные социальные эффекты, порождаемые рыночной системой. В новой же экономической социологии эта концепция фокусирована на социальных структурах рынка, не затрагивая их последствий для общества в целом, включая воздействие на социальный порядок, достигнутый уровень справедливости и равенства. Именно оценивая такого рода последствия, Поланьи настаивал на необходимости политического вмешательства в рыночные отношения. И все это фактически потерялось в том значении укорененности, которое стала использовать новая экономическая социология. В этом отношении новая экономическая социология не поддержала начинания, предложенные К. Поланьи.

В качестве ремарки на полях: лишь немногие знают, что термин «укорененность» был введен не Поланьи, а немецким антропологом Рихардом Турнвальдом [Richard Thurnwald], который использовал его в своей книге «Die Menschliche Gesellschaft», опубликованной в 1932 г.

6. Каковы, на Ваш взгляд, основные различия между экономической социологией в Европе и в Соединенных Штатах?

Нет никаких сомнений, что в США новая экономическая социология намного более институционализировалась как отрасль социологии, чем в любой европейской стране. Я бы сказал, что, по грубой оценке, новая экономическая социология в Германии сегодня находится там, где американская экономическая социология была примерно пятнадцать лет назад. Однако мы не можем адекватно оценить эти различия, если будем смотреть на дело лишь с количественной стороны.

Если брать отдельные подходы, то окажется, что сетевой подход, например, в США значительно более распространен, чем в Европе. Институционализм, развивающийся в Европе, заметно отличается от американского институционализма прежде всего потому, что он в большей мере фокусируется на гетерогенности и роли действия. Но есть и более крупное различие. По моему мнению, американская экономическая социология во многом оторвана от экономической или социальной политики. Она обращается преимущественно к академическим и научным, а не к практическим социально-экономическим проблемам. А там, где она все же к ним обращается, дело во многом сводится к проблемам эффективности хозяйственной системы или возможностям извлечения прибыли участниками рынка. Наилучшим примером здесь могут послужить работы Рональда Берта [Ronald Burt]. Причиной может послужить профессионализация американской социологии, создавшая то, что Никлас Луман называл системой аутопойесиса, а также сильная укорененность американской экономической социологии в бизнес-школах. Проходящие сегодня в Американской социологической ассоциации дискуссии о необходимости усиления публичной роли экономической социологии демонстрируют явную неудовлетворенность сложившимся положением дел.

7. Какие страны, города или университеты в настоящее время, по Вашему мнению, являются наиболее важными центрами экономической социологии в Европе?

Что касается Европы, то наиболее интересное развитие экономической социологии получила во Франции. Из статей, которые я читаю, и программ конференций у меня складывается впечатление, что во Франции усиливается интерес к американской экономической социологии. В то же время здесь существуют и собственные значимые традиции. К ним я отношу совокупность работ, опирающихся на труды Пьера Бурдьё; исследования, выросшие из акторно-сетевой теории [actor-network theory]; новые области в рамках школы регуляции [regulation school] и школа конвенций [conventions school]. Следует внимательно наблюдать за тем, что происходит во французской социологии.

В других европейских странах подобный взлет еще не произошел. В Германии интерес к новой экономической социологии отчетливо виден, но при этом институционально почти не закреплён. Впрочем, этот интерес растёт, особенно среди молодых социологов. Важным ресурсным центром на ближайшие годы в этом отношении призван стать Институт им. Макса Планка. Среди направлений, хорошо развитых в германской экономической социологии, назову социологию денег и социальные исследования финансов. В других странах тоже есть отдельные достаточно разработанные области: социология эккаунтинга и социальные исследования финансов в Великобритании, институциональная теория организаций в Дании и Швеции, связь между экономической социологией и политической экономией в Италии.

8. В связи с этим, каковы будущие планы Института им. Макса Планка?

В настоящее время я занимаюсь формированием в Институте исследовательской группы. Проекты старших исследователей фокусируются на социологии рынков. Патрик Асперс пишет книгу о рыночном порядке на основании своих исследований глобального рынка одежды. Гвидо Мёллеринг [Guido Möllering] работает над проектом о возникновении рынков, уделяя особое внимание роли коллективного институционального предпринимательства в формировании рынков. Джени Пиоти [Geny Piotti] изучает, какие последствия ощутили германские фирмы, которые переместили производство в другие страны с более низкими издержками на оплату труда и тем самым вырвались из контекста привычных отношений. Стефани Хи [Stefanie Hi] изучает развитие критериев кредитоспособности, используемых рейтинговыми агентствами. Со временем число подобных проектов пополнится. Кроме этого, мы начали международную программу PhD по направлению «Социальное и политическое формирование хозяйства».

На более общем уровне Вольфганг Штрик [Wolfgang Streeck] и я разрабатываем исследовательскую программу, которая более тесно увязала бы экономическую социологию и политическую экономию. Дело в том, что оба подхода используются для исследования одних и тех же объектов, но при этом взаимные контакты между ними минимальны. И это представляется ошибкой, поскольку они могут многому научиться друг у друга, и каждый из них способен заполнить важные белые пятна с помощью другого подхода. Следует признать, что на макроуровне экономическая социология чувствует себя намного слабее политической экономии, особенно в понимании роли государства и социальной власти в структурировании хозяйственных отношений. В то же время политической экономии недостает оснований на микроуровне, которые бы при этом выходили за рамки моделей рационального выбора. Такие основания на микроуровне необходимы, например, для объяснения процесса формирования предпочтений или роли культурных сценариев в процессе принятия решений. Здесь мы видим большой потенциал для синергетического эффекта.

9. На чем будут сосредоточены Ваши собственные исследования в Институте им. Макса Планка?

В моих ближайших планах — написать книгу о социологической теории хозяйства, отталкиваясь от проблемы становления рыночного порядка. Эта книга будет продолжать темы, изложенные мною ранее в книге «За пределами рынков»⁵, но при этом она будет развивать аргументацию, которая не связана с детальным изложением позиций других авторов. Поскольку формирование исследовательской группы в Институте и работа в качестве его директора отнимают много сил, завершение книги потребует немалого времени.

В настоящее время вместе с Марком Лютером [Mark Lutter] я работаю также над проектом о рынках лотерейных игр в Германии. Основной вопрос — как объяснить этот огромный спрос на товар при его ожидаемой низкой денежной полезности. Мы надеемся, что проект поможет прояснить специфику формирования спроса и на других рынках.

10. Считаете ли Вы важным устанавливать контакты с экономистами? И если да, то какие стратегии Вам кажутся наиболее эффективными?

Я убежден, что очень важно быть в контакте с экономической теорией. Эта дисциплина стремительно изменяется и во все возрастающей степени обращается к вопросам, которые заботят и экономическую социологию. Это касается, разумеется, акцента на изучении институтов, но также попыток ввести культурные переменные в экономические модели и изменить теоретическую модель действия экономического человека на основании результатов, полученных в рамках когнитивной психологии. Для того чтобы оставаться релевантной, экономическая социология должна научиться четко показывать, что она способна добавить к пониманию хозяйства, раз уж экономическая теория начала заниматься вопросами, которые игнорировались ею на протяжении большей части XX столетия. То, что эти вопросы игнорировались, послужило основанием для возникновения новой экономической социологии. Но поскольку обе дисциплины в возрастающей степени обращаются к одним и тем же объектам, следует ожидать обострения конкуренции. При этом экономсоциологи призваны прояснить, каков, собственно, их вклад в решение экономических проблем, выходящих за рамки чисто академических интересов. Изучение экономической теории, несомненно, поможет прояснить эти вопросы.

Библиография основных работ Й. Бекерта

Беккерт Дж. Экономическая социология в Германии // Экономическая социология: автопортреты / отв. ред. В. В. Радаев, М. С. Добрякова; сост., науч. ред. и авт. предисл. В. В. Радаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 267–274.

Beckert J. Agency, Entrepreneurs and Institutional Change: The Role of Strategic Choice and Institutionalized Practices in Organizations // *Organization Studies*. 1999. Vol. 20. P. 777–799.

Beckert J. Beyond the Market. The Social Foundations of Economic Efficiency. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Beckert J. Economic Sociology and Embeddedness. How Shall We Conceptualize Economic Action? // *Journal of Economic Issues*. 2003. Vol. 37. P. 769–787.

International Encyclopedia of Economic Sociology / ed. by J. Beckert, M. Zafirovski. L.: Routledge, 2006.

---

⁵ *Beckert J.* Beyond the Market. The Social Foundations of Economic Efficiency. Princeton: Princeton University Press, 2002.

- Beckert J.* The Moral Embeddedness of Markets // *Ethics and the Market: Insights from Social Economics* / ed. by J. Clary, W. Dolfsma, D. M. Figart. L.: Routledge, 2006. P. 11–25.
- Beckert J.* Interpenetration versus Embeddedness. The Premature Dismissal of Talcott Parsons in the New Economic Sociology // *American Journal of Economics and Sociology*. 2006. Vol. 65. P. 161–188.
- Beckert J.* *Inherited Wealth*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Märkte als soziale Strukturen / Hrsg. von J. Beckert, R. Diaz-Bone, H. Ganßmann. Fr. a./M.: Campus, 2007.
- Beckert J.* Die Abenteuer der Kalkulation. Zur sozialen Einbettung ökonomischer Rationalität // *Leviathan*. 2007. Vol. 3. P. 295–309.
- Beckert J.* The Longue Durée of Inheritance Law. Discourses and Institutional Development in France, Germany, and the United States since 1800 // *Archives européennes de Sociologie*. 2007. Vol. XLVIII. No. 1. P. 79–120.
- Beckert J., Lutter M.* Wer spielt Lotto? Umverteilungswirkungen und sozialstrukturelle Inzidenz staatlicher Lotteriemärkte // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2008. Vol. 2. P. 233–264.